

Когда-то в Чанъане Ян Е выпросил у Цэнь Умэй саженец сливы, а сегодня пришел просить еще и нефрит. И хотя князь Хуай никогда не отличался излишней стыдливостью, заявляться к молодой деве раз за разом с протянутой рукой было неловко даже ему. Но иного выхода у него попросту не оставалось.

Цэнь Умэй, казалось, не держала на него зла. Из-за занавеси раздался ее нежный, спокойный голос:

— Вещи — лишь бренный прах. Однако этот нефрит — дар самого Его Величества, и отдавать его первому встречному не велит приличие. Скажите, ваше высочество, зачем князю Хуаю понадобился нефрит из золотых нитей и красного бамбука?

Скрывать что-либо больше не имело смысла, и Ян Е решил довериться ей:

— Я хочу подарить его тому, кого люблю больше жизни. Ему не повезло родиться под Одиноким звездой Небесного Демона, и лишь этот нефрит способен отвести беду, подарив покой. Прошу вас, уездная принцесса, забудьте мою былую дерзость и глупость. Сжальтесь, отдайте мне эту вещь, чтобы я мог поспешить к нему.

— Надо же... — едва слышно прошептала Цэнь Умэй. — Оказывается, и у князя Хуая есть тот, кто дорог его сердцу.

Она умолкла. Время шло, но из-за занавеси не доносилось ни звука. Ожидание терзало Ян Е, словно медленный огонь. Не в силах больше выносить эту пытку, он вгляделся в неподвижный силуэт девушки, стиснул зубы и опустился на колени.

— Уездная принцесса, умоляю, сжальтесь надо мной, — с этими словами он низко склонился, коснувшись лбом пола.

Цэнь Умэй вздрогнула и порывисто поднялась с места.

— Встаньте, ваше высочество! — взволнованно воскликнула она. — Я не смею принимать от вас столь глубокий поклон. Эй, кто-нибудь! Найдите тот нефрит и отдайте князю Хуаю.

Ян Е не ожидал, что она согласится так быстро. Окрыленный радостью, он горячо поблагодарил ее:

— Храни вас небо, уездная принцесса!

Дворецкий поспешил помочь ему подняться.

Сквозь нити жемчужной занавеси Цэнь Умэй заметила дорожный узел за его плечами.

— Ваше высочество покидает столицу?

— Да, — подтвердил Ян Е. — Как только получу нефрит, сразу отправлюсь в путь. Мне нужно

спешить. У него скверный нрав, он не станет долго ждать. Если мы разминемся сейчас, боюсь, он скорее согласится на вечное рассеяние души, чем пожелает встретиться со мной в следующей жизни.

— Как далеко вы заглядываете... — тихо отозвалась девушка. — Что ж, доброго вам пути.

После этого занавесь окончательно погрузилась в молчание.

Ян Е терпеливо ждал. Наконец дворецкий принес шкатулку с нефритом из золотых нитей и красного бамбука. Убедившись, что это именно та драгоценность, князь почтительно произнес:

— На этом я прощаюсь с вами.

Ответа не последовало. Ян Е взгляделся в просветы между бусинами, но изящный силуэт за ними уже исчез — Цэнь Умэй тихо ушла, пока он предавался своим мыслям, а он даже не заметил ее ухода.

Тихо вздохнув, он покинул поместье. Всё необходимое для путешествия было подготовлено заранее: оказавшись на улице, Ян Е вскочил в седло и пустил коня в галоп, намереваясь выехать из столицы под покровом ночи.

Звонкий стук копыт разносился по спящим улицам. Он мчался на юг, но не успел проехать и нескольких переулков, как дорогу ему преградила толпа.

Прямо посреди мостовой, забыв о величии своего императорского сана, стоял Ян Си. Перед ним, опустившись на колени прямо в дорожную пыль, плотными рядами застыли стражи из поместья князя Хуая во главе с Нянь Вэем и Чжунли Чжэнем. За их спинами грозной темной стеной выстроилась Внутренняя дворцовая стража под началом Вэй Линьсяня.

У Ян Е екнуло сердце. Он прекрасно знал, что брат наводнил его дом соглядатаями, которые не спускали с него глаз, дабы не дать сотворить очередную глупость. И все же он не ожидал, что весть долетит до дворца с такой пугающей быстротой.

Пока Ян Е лихорадочно соображал, как быть, Ян Си сделал шаг вперед. Лицо императора было темнее грозовой тучи.

— Сяо Лан, — глухо спросил он, в упор глядя на брата. — Куда это ты собрался среди ночи?

Ян Е на мгновение лишился дара речи, но быстро взял себя в руки:

— Братец, мне нужно срочно покинуть столицу по одному очень важному делу. Не волнуйся, я обязательно вернусь и тогда все тебе подробно расскажу.

Ян Си смотрел на него взглядом, в котором мешались гнев, боль и горькая обида. Он лишь

крепче сжал кулаки за спиной и промолчал. Ян Е вздохнул, соскочил на землю и взмолился:

— Ну отпусти же меня, братец! Обещаю, я вернусь. Я ведь люблю тебя и ни за что не брошу насовсем.

— Любишь? — ледяным тоном переспросил Ян Си. — Не бросишь? И потому уезжаешь тайком, даже слова не сказав? Если бы мне не доложили, я бы так и пребывал в счастливом неведении! Отвечай немедленно: куда ты держишь путь?

Признаться Ян Е не смел. Он лишь безмолвно смотрел на брата, покусывая губы. Некоторое время они противостояли друг другу, окутанные напряженным молчанием, пока Ян Е снова не попытался вымолить прощение заискивающей улыбкой:

— Да не сердись ты так, братец. Я правда на секунду — туда и обратно.

Но взгляд Ян Си уже упал на рукоять меча Чжэньбин за его спиной. Все стало ясно без слов: Сяо Лан собрался на поиски этой проклятой Одиноким звезды Небесного Демона. Надо же, этот ублюдок умудрился выжить в такой круговерти — истинное чудо! Правы люди: добрые дела недолговечны, а лихо на ладан не дышит.

При этой мысли в груди императора вспыхнул яростный гнев. Подавшись вперед, он с размаху влепил Ян Е звонкую пощечину.

За последнее время это был уже второй раз, когда брат поднял на него руку. Заметив движение, Ян Е успел сгруппироваться и устоял на ногах. Откинув назад растрепавшиеся волосы, он твердо произнес:

— Братец, на этот раз я все равно уйду. Если не хочешь отпускать — вели казнить меня прямо здесь!

В его глазах стояли слезы, но упрямо сжатые губы говорили о непреклонной решимости. Братья долго молча мерили друг друга взглядами. Ян Си растерялся, не зная, как укротить это безумное упрямство. Ян Е же не собирался терять драгоценные мгновения. Он ловко взлетел в седло, пришпорил коня и попытался прорваться сквозь оцепление.

— Сяо Лан! — в ярости закричал Ян Си вслед. — Если ты сейчас бросишь меня и уедешь, знай: с этой секунды мы больше не братья! Между нами все кончено! И назад можешь не возвращаться!

Ян Е обернулся. Ярость на искаженном лице брата была столь велика, что казалось, император вот-вот лично стащит его с лошади и избьет до полусмерти. Взыграл упрямый, строптивый нрав князя. Оскалившись, он выкрикнул:

— Да и не вернусь! Забирай свое поместье, титулы, медные рудники — мне ничего не нужно, все возвращаю тебе! Даже эти деньги забирай, уйду нищим!

С этими словами он рванул завязки дорожной сумки, выхватил из-за пазухи толстую пачку ассигнаций и швырнул все это под ноги коню. А затем, яростно опустив плеть, без оглядки умчался прочь.

Ян Си ошеломленно замер, а затем невольно сделал несколько шагов вслед улетающему в темноту всаднику. Вэй Линьсянь тут же вырос рядом:

— Ваше Величество, приказать моим людям догнать и вернуть его высочество?

Император медленно опустил голову и сквозь зубы процедил:

— Не нужно. Пусть убирается.

Ян Е скакал всю ночь напролет, оставляя позади огни Чанъяня, столичную роскошь и почести. Когда город окончательно скрылся за горизонтом, он придержал коня и запустил руку за пазуху, нащупав две уцелевшие купюры.

«Эх, братец, — с грустной усмешкой подумал он. — Оставь я себя совсем без гроша, окошел бы где-нибудь в придорожной канаве от холода и голода. И тебе же потом пришлось бы локти кусать. Так что я исключительно о твоём душевном покое радею! Ладно уж, зла на твою пощечину я не держу, но и ты прости, что обвел тебя вокруг пальца»

Дорога вела его на юг. Летя стрелой через бесчисленные реки и горы, он миновал Сянъян, пересек Цзинчжоу, а затем двинулся вверх по течению великой Янцзы. Спустя несколько дней непрерывного пути всадник наконец пересек границу уезда Ушань.

Заночевав в самом уездном городе, наутро он расспросил местных жителей о дороге и поспешил на северо-восток, к посёлку Муюй. Тот ютился глубоко в горах, где царил настоящий зимний холод. Едва пустившийся мелкий снег быстро превратил горные тропы в сплошное месиво. Сердце Ян Е обливалось кровью от нетерпения; несмотря на то, что метель крепла с каждой минутой, он не обращал на нее внимания. Узнав нужное направление, он упрямо продвигался вперед. К полудню, добравшись до окрестностей Муюя, путник решил отыскать какую-нибудь придорожную лавку, чтобы набить голодный желудок и заодно порасспросить о дальнейшей дороге.

Навстречу ему попались двое охотников с капканами на лисиц. Они подсказали, что совсем близко у дороги есть корчма. Ян Е поспешил туда. Вскоре среди заснеженных деревьев показалась бревенчатая усадьба, над которой на пронизывающем ветру хлопал абрикосовый флаг с четырьмя крупными иероглифами: «Таверна Провожающей Весны». Направив коня к крыльцу, он спешил.

Стоило ему приподнять тяжелый ватный полог и переступить порог, как морозная стужа уступила место хлынувшему в лицо жару от очага. Из глубины зала донесся веселый гомон, звон глиняных пиал, крики захмелевших гостей и звонкий голосок юного зазывалы — привычная, милая сердцу суэта мирной жизни.

Расторопный малый лет пятнадцати привел его к свободному столу у стены.

— Чего изволит почтенный гость? — с улыбкой спросил паренек.

— Я в ваших краях впервые, так что не знаю, чем вы славитесь, — ответил Ян Е, устраиваясь поудобнее. — Подавай на свой вкус парочку лучших блюд. И вина хорошего кувшин найдется?

— Тогда принесу томленную грудинку и тушеные лесные грибы с кореньями! — весело отозвался малый. — А вино у нас собственного погреба, на всю округу славится. Люди из самых дальних деревень за ним приходят. Попробуете — сами все поймете!

Приметив, что паренек миловиден, опрятен и остер на язык, Ян Е невольно улыбнулся:

— Договорились, неси кувшин.

Пока паренек ходил за заказом, Ян Е огляделся. Таверна оказалась на редкость просторной: крепкий бревенчатый сруб, чистые деревянные полы и столы. Почти все места были заняты — в основном тут сидели крепкие, обветренные горцы да охотники.

За конторкой у входа мужчина средних лет сосредоточенно щелкал счетами. Из кухни за его спиной доносился залиvistый шкворчащий гул и звонкий стук поварешки о край казана. Вдруг оттуда раздался зычный женский крик:

— Старый хрыч! Хватит там важничать над своими бумажками, живо на кухню, блюда стынут, разносить некому!

Счетовод с досадой хлопнул grossбухом по столу и, ворча под нос, нехотя поплелся за занавеску.

Непродолжительное время спустя заказ был готов. Паренек ловко принес дымящиеся тарелки на широком подносе — видать, стряпуха на кухне дело свое знала туго.

Наполнив глиняную пиалу, Ян Е сделал первый глоток. Вино хоть и было простым, домашним, но ложилось на язык мягкой сладостью и оставляло приятное, терпкое послевкусие.

— А ведь и правда недурно! — искренне похвалил он.

Мальчишка, у которого как раз выдалась свободная минутка, примостился на корточках на скамье напротив и расплылся в улыбке:

— Ну что, не соврал я? Вкусно?

— Замечательно, — кивнул Ян Е. — Иной раз и во дворце такого не сыщешь.

Шумная, теплая атмосфера кабака пришлась Ян Е по душе — он и сам всегда любил веселое оживление. Неторопливо потягивая хмельное, он с удовольствием прислушивался к пьяным крикам, доносившимся из-за соседних столов, к байкам охотников о подстреленной дичи, пойманных ценных лисицах и сплетням о молодой вдове с восточной окраины, которая снова выскочила замуж. Разговоры были простыми, порой солеными, но в них бурлила настоящая, бьющая ключом жизнь.

Приметив в госте чужака, мальчишка то и дело крутился поблизости, сгорая от любопытства. Наконец Ян Е не выдержал и дружелюбно рассмеялся:

— Если тебе делать нечего, присаживайся, поболтаем. Мне как раз нужно кое-что разузнать у местного жителя.

Малый несмело опустился на край лавки.

— Как звать-то тебя, парень? — поинтересовался князь.

— По батюшке я Се, а дома все кличут Сяо Шаньцзы.

— Славное имя. И впрямь шустрый молодой кедр. Давно вы держите эту корчму? Бойко ты с гостями управляешься.

Се Сяошань смущенно улыбнулся от похвалы:

— Да нет, всего полгода назад дело выкупили. Просто мы здешние, старожилы. Тот, что за прилавком, — мой отец, а у плиты вертится матушка. Нас тут каждая собака знает, вот все и кажется таким привычным.

— Скажи-ка мне тогда, Сяо Шаньцзы, далеко ли отсюда до равнины Свернувшегося Дракона, что на горе Пяти Узоров?

Мальчишка на миг опешил, и в его живых глазах промелькнула тень настороженности:

— А зачем вам туда? Неужто собрались подниматься?

Ян Е внимательно следил за его лицом.

— Да так, праздный интерес, — небрежно отмахнулся он. — Проезжал мимо, слышал, будто виды там неопишуемой красоты. Хотел взглянуть краем глаза. Но если ничего примечательного там нет, то и ноги бить не стану. Наверняка слухи преувеличены.

— А-а, вот оно что, — протянул Сяо Шаньцзы и снова заулыбался. — Места там и правда красивые. Старики болтают, будто гору Пяти Узоров так прозвал какой-то заезжий поэт еще в прошлую эпоху. Осенью листва там полыхает всеми цветами радуги, словно парчовые ленты. А на равнине Свернувшегося Дракона как раз наша винокурня стоит, за ней старший брат приглядывает. Я туда каждый день на телеге за кувшинами езжу. Дорога накатана, не

заблудитесь. Как выйдете за порог — держитесь востока, огибая два горных склона. Пешком идти с полчаса, а верхом и того быстрее.

Его речь лилась легко и свободно, без обычной для деревенских ребят неловкости. Ян Е любопытствовал:

— Учился грамоте, парень?

— В школу я не ходил, — честно признался Се Сяошань. — Так, брат научил кое-каким иероглифам. Он все пытался обучить меня счетоводству, да куда там... Только запутался во всех этих цифрах. Отец давай ругаться, обзывать недотепой. Ну я и плюнул с досады. Пусть сами со своими бумагами мучаются, все равно вечно у них в расчетах черт ногу сломит!

Ян Е рассмеялся:

— И напрасно. Для хозяина таверны умение считать — первое дело. Ладно, держи за обед. Посмотрим, как ты справишься со сдачей.

Он достал половинку двухлянового слитка серебра и протянул пареньку. Тот бережно принял монету и с гордым видом отправился к стойке производить расчеты. Но когда Сяо Шаньцзы обернулся, чтобы вернуть сдачу, у стены уже никого не было — лишь пустая тарелка да недопитый кувшин.

«И куда он так выскочил? — недоуменно почесал затылок малый. — Даже сдачу забыл... Неужто и впрямь так сильно хотел на горы поглядеть? И что эти чужаки находят в наших заснеженных скалах?»

А Ян Е в это время уже вовсю мчался к равнине Свернувшегося Дракона. Вокруг царило безмолвие заснеженного леса, нарушаемое лишь тихим шорохом падающих снежинок. Благодаря подсказке Сяо Шаньцзы отыскать затерянную среди ущелий поляну не составило труда — дорога туда вела торная и прямая.

Одетый в ярко-алое дорожное платье и бамбуковую шляпу, он бесшумно скользил по свежему насту. Стоило миновать второй поворот, как впереди открылось ровное плато, на котором сиротливо жались друг к другу несколько деревянных построек винокурни.

Ян Е натянул поводья. Он замер, не в силах оторвать глаз от этого места, и сердце его заколотилось в бешеном ритме. Фортуна всю жизнь благоволила ему, но сегодня она превзошла саму себя. В это мгновение весь остальной мир перестал существовать, растворился в хлынувших через край чувствах, оставив лишь безумное желание остановить это мгновение на веки вечные.

Усадьба стояла на небольшом возвышении. Возле аккуратного бамбукового плетня, окружавшего задний двор, спиной к дороге стоял человек и отрешенно созерцал заснеженные дали. Должно быть, озябнув на пронизывающем ветру, он поднес ладони к лицу и тихонько

подул на пальцы, согревая их дыханием. Тот же привычный черный халат с глубокой темно-красной каймой по воротнику и такой же пояс. Тонкий, высокий, безупречно прямой силуэт, от которого веяло бесконечным, щемящим одиночеством.

Снежное марево стерло границу между землей и небом. Ян Е все смотрел и смотрел на него, пока перед глазами не поплыли круги. Вдруг он резко опустил голову. Две горячие слезы скользнули по щекам и упали в пушистый сугроб, оставив в нем глубокие лунки. Он порывисто прижал широкий рукав к лицу, борясь с рвущимися наружу рыданиями.

Почувствовав чужое присутствие, незнакомец медленно обернулся. Его взгляд упал на яркое алое пятно дорожного плаща, и он оцепенел. Ян Е медленно опустил руку. По его лицу все еще бежали мокрые дорожки, но губы тронула мягкая, виноватая улыбка.

Один стоял на холме, другой — у его подножия. Окутанные белым безмолвием, они долго смотрели друг другу в глаза.

Наконец Ян Е тихо спросил:

— Тебе здесь нравится?

<http://bllate.org/book/19546/1998868>